

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 7 / 2025, Iss. 7 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.731.4:32(1941/45)

Дискурс советской журналистики в период Великой Отечественной войны

¹ Кургузов Д.А.

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: статья посвящена всестороннему анализу дискурса советской журналистики в период Великой Отечественной войны. Исследование направлено на выявление особенностей формирования медиаряда в условиях экстремального социально-политического кризиса, а также на оценку влияния риторики на мобилизацию населения и формирование патриотических чувств. В условиях войны журналистика стала неотъемлемым инструментом государственной пропаганды. Рассматриваемый дискурс характеризуется сочетанием официальных идеологических заявлений, эмоциональной экспрессии и специально выстроенной аргументации, позволяющей формировать общественное сознание, усиливать патриотизм и моральный дух граждан. Цель статьи – выявить особенности стратегической журналистики того времени и определить её роль в рамках информационной политики советского государства. Для достижения поставленной цели использованы методы историко-дискурсивного анализа, семиотики и контент-анализа, позволяющие проследить эволюцию языковых конструкций, используемых в СМИ. Анализируются как печатные издания, так и радиопередачи, как основной канал коммуникации в период войны. Наряду с этим проводится сравнительный анализ материалов разных лет, что позволило проследить динамику изменения риторики в условиях изменяющейся военной ситуации. Исследование выявило, что советская журналистика активно формировала «военный образ врага», использовала символику, эмоциональные ярлыки и метафорические образы для создания единственно возможной картины мира. Особое внимание уделено трансформации жанровой структуры текстов, что способствовало восприятию информации как жизненно необходимого патриотического манифеста. Отмечены как устойчивость определённых риторических шаблонов, так и их эволюция под влиянием военных событий.

Ключевые слова: советская журналистика, Великая Отечественная война, пропаганда, идеология, патриотизм

Для цитирования: Кургузов Д.А. Дискурс советской журналистики в период Великой Отечественной войны // Современный ученый. 2025. № 7. С. 39 – 45.

Поступила в редакцию: 5 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2025 г.; Принята к публикации: 6 июля 2025 г.

The discourse of Soviet journalism during the Great Patriotic War

¹ Kurguzov D.A.

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the discourse of Soviet journalism during the Great Patriotic War. The study aims to identify the features of media formation under conditions of an extreme socio-political crisis, as well as to assess the impact of journalistic rhetoric on the mobilization of the population and the

formation of patriotic sentiments. In wartime conditions, journalism became an indispensable tool of state propaganda. The discourse under review is characterized by a combination of official ideological statements, emotional expression, and deliberately constructed argumentation that allowed for the shaping of public consciousness, the strengthening of patriotism, and the moral spirit of citizens. The aim of the article is to identify the characteristics of strategic journalism of that period and to determine its role within the information policy of the Soviet state. To achieve this aim, the methods of historical-discursive analysis, semiotics, and content analysis were employed, allowing for the tracing of the evolution of linguistic constructions used in the media. Both printed publications and radio broadcasts, the main channel of communication during the war, are analyzed. In addition, a comparative analysis of materials from different years was conducted, which made it possible to trace the dynamics of changes in rhetoric under shifting military circumstances. The study found that Soviet journalism actively shaped the "military image of the enemy," using symbolism, emotional labels, and metaphorical images to create the only possible worldview. Special attention is paid to the transformation of the genre structure of the texts, which contributed to the perception of the information as an essential patriotic manifesto. Both the persistence of certain rhetorical templates and their evolution under the influence of military events were noted.

Keywords: Soviet journalism, Great Patriotic War, propaganda, ideology, patriotism

For citation: Kurguzov D.A. The discourse of Soviet journalism during the Great Patriotic War. Modern Scientist. 2025. 7. P. 39 – 45.

The article was submitted: March 5, 2025; Approved after reviewing: May 4, 2025; Accepted for publication: July 6, 2025.

Введение

Советская журналистика в годы Великой Отечественной войны выступала не только важнейшим источником оперативной информации, но и становилась своеобразным идеологическим щитом, нацеленным на поддержку морального духа в условиях тяжелых боевых действий. Уже с первых дней нападения нацистской Германии, советские газеты, радио и другие каналы массовой коммуникации обратились к народу с призывами к единству и сопротивлению. При этом и сама структура журналистики претерпевала изменения, обусловленные переходом на военные рельсы. Печать стала более лаконичной в формулировках, чаще применялась прямая агитация и пропаганда, в которой негативный образ врага и патетические обращения к героям обороны занимали центральное место. Советские военкоры работали в полевых условиях, нередко рискуя жизнью, чтобы передавать сведения с фронта и одновременно формировать оптимистичный настрой населения. В этом процессе не последнюю роль играла строгая цензура, которая предусматривала недопущение любых фактов, могущих поколебать уверенность людей в конечной победе. Подобная выявленная тенденция способствовала тому, что журналистский дискурс в тот период стал более однородным, выдерживая четкий государственный курс. В своих материалах репортеры, писатели и политические комментаторы активно использовали цитаты из выступлений руководителей страны, а также

приводили примеры героизма бойцов, защищающих Родину [8]. По сути, каждая строчка текстов, выходящих в печати, и каждый репортаж по радио были продуманы и согласованы, чтобы исключить любые сомнения в силе советского народа.

Понимание роли журналистики в военное время не ограничивается рассмотрением ее пропагандистской составляющей. Конечно, новости о взятии городов или удачных наступательных операциях были необходимы для моральной поддержки населения, однако важно учитывать и более тонкие функции прессы. Журналисты старались воодушевлять читателей, побуждать к труду и самоотверженности не только на передовой, но и в тылу. Различные рубрики в газетных выпусках освещали работу заводов и колхозов, расходование материальных ресурсов, труд женщин и детей, собиравших фронту посылки с теплыми вещами. Советская пресса создавалась как единое информационное ядро, объединяющее воинов и мирных тружеников в едином порыве, а пропускать какие-либо важные моменты считалось неуместным. Поэтому помимо военных репортажей печатались заметки о различных культурных событиях, пусть даже в сильно сокращенном виде – это также помогало поддерживать уверенность в том, что мирная жизнь не исчезла, а продолжит развиваться после победы [1]. В результате такой многослойной системы подачи материала складывалась уникальная модель массовой коммуникации, опиравшаяся на постоянный контакт с читателем и

на его доверие к словам журналиста, хотя в реальности журналистский текст был в высокой степени контролируемым и направленным на формирование единственно «правильного» взгляда на события войны.

Материалы и методы исследований

Особое место в журналистском дискурсе военного периода занимали военачальники, чьи имена не сходили с полос газет. Нередко им посвящались красочные материалы, описывающие не только их боевой путь, но и личные черты характера – скромность, патриотизм, отвагу. Описания военных подвигов принимали форму своеобразных легенд, которые должны были не столько отражать объективную реальность, сколько вдохновлять солдат и народ на дальнейшую борьбу. В таких текстах преувеличения и метафоры становились приемлемым стилистическим средством, поскольку служили общей цели – укреплению веры в непобедимость Красной армии. Однако наряду с glorification, немалую роль играли рациональные пояснения, например, тактика и стратегия ведения боевых действий. Материалы сопровождались схемами, диаграммами, пояснительными записками, которые показывали, что победа обусловлена не только отвагой, но и умением грамотно руководить операциями. И все же эмоциональный накал в ряде заметок сохранялся весьма высоким, а журналисты часто создавали вокруг командиров ореол легендарности [3]. Такая практика соответствовала задаче государства выстраивать единый культ героев, чтобы их пример вдохновлял массы.

Результаты и обсуждения

Важным элементом информационной политики являлось использование художественных образов, поскольку литература и поэзия также включались в систему пропаганды. Авторы писали поэмы о подвиге советского солдата, где героизированная действительность входила в противоречие с реальными тяготами фронта, но помогала поддерживать высокую боевую готовность. В бессмертных строках поэтов отражалась боль утрат, скорбь по погибшим, но вместе с тем и вызов врагу, призыв мстить за невинные жертвы. Подобная эмоциональная двусторонность – между горем и надеждой – позволяла создавать сильный патриотический посыл, понятный каждому читателю или слушателю. Распространенным жанром стали военные рассказы и очерки, где центральными героями часто выступали простые люди: деревенские парни, городские рабочие, интеллигенты, которые бросили все и пошли защищать Родину. Журналистика охотно

публиковала отрывки из таких произведений, иллюстрируя способность советского человека к единению и стойкости [5]. Этот прием позволял сместить акцент с абстрактной фигуры «народа» на конкретных, живых людей, а значит делал общую пропаганду более личностной и близкой каждому.

В тыловых регионах, далеких от линии фронта, журналисты выполняли не только функцию информирования о боевых успехах. Они становились воспитателями и организаторами труда. В газетах регулярно печатали репортажи о передовиках производства, о стахановцах, которые в военное время поставили новые рекорды, о женщине-наставнице, обучавшей юных рабочих на заводе, выпускающем снаряды. Тексты подчеркивали важность добросовестного труда в тылу, приравнивая его к воинскому подвигу. Таким образом, формировалась единая идея, что каждый советский человек, где бы он ни находился, вносит свой вклад в победу. Появлялись и критикующие статьи, направленные против «прогульщиков» и «нарушителей дисциплины», – журналистика осуждала подобные явления, подчеркивая, что в условиях войны допустимо только полное самоотвержение и ответственность. Целью было не просто описать тыловую жизнь, но убедить, что все должны работать так, будто от их личного вклада напрямую зависит исход боевых действий [2]. Данное направление деятельности прессы давало ощутимый эффект, стимулируя трудовые коллективы, поскольку похвала и осуждение становились механизмами активного воздействия на общество.

Помимо идеологической функции, журналисты занимались сбором и анализом сведений о положении на фронтах, о запасах продовольствия и оружия. Однако результаты такой аналитики не всегда были доступны массовому читателю. Наиболее полные отчеты и сводки предназначались для высшего руководства страны, а для печати отбирались данные, полезные с точки зрения укрепления боевого духа и недопущения паники. Тем не менее даже подсвеченные факты могли нести для вдумчивого читателя внушительный объем информации, позволяя ему формировать представление о масштабах сопротивления или о географии сражений. Некоторые газеты периодически давали инфографику с указанием количества сбитых самолетов или подбитых танков – эти цифры, конечно, были частично пропагандистскими, но у читателей создавалось впечатление детально проработанной базы. В этом плане журналистика

выполняла незаметную, но важную исследовательскую роль, способствуя пониманию войны как многогранного процесса. Особенно ценились репортажи, написанные непосредственными участниками операций, которые занимались одновременно и военными, и журналистскими обязанностями. Их тексты сочетали документальность и эмоциональный накал, транслируя образ фронта из первых уст [9]. Разумеется, пресса всячески подчеркивала уникальность таких материалов, чтобы еще сильнее воздействовать на аудиторию.

Вместе с тем официальная пропаганда систематически формировала образ врага – не только немецкого солдата, но и всей идеологической системы нацистской Германии. Журналистские статьи подчеркивали варварство, жестокость захватчиков, стремились вызвать у читателей праведный гнев и готовность к отпору любой ценой. Повествования о зверствах оккупантов чередовались с рассказами о разрушенных селах, угнанных в рабство женщинах и детях. Эти сюжеты, безусловно, отражали реальность, но их подача была крайне эмоциональной и должна была усиливать ненависть к врагу и одновременно внушать мысль о високомерии и цинизме гитлеровцев. Одновременно подобные материалы имели задачу укреплять у советского гражданина уверенность в том, что он борется за правое дело, за освобождение Родины от жестоких угнетателей. Этот нарратив пронизывал едва ли не все страницы периодических изданий, переплетаясь с материалами о героизме советских войск и мирных жителей.

Сессии вопросов и ответов, иногда публикуемые в газетах, выполняли роль своеобразной обратной связи. Читатели могли интересоваться, как поступить в случае эвакуации, где достать необходимый товар, почему некоторые семьи получают меньше продовольствия. Журналисты старались отвечать на эти вопросы с опорой на официальные данные, акцентируя внимание на том, что государство заботится о каждом нейтральном или лояльном жителе, а все временные трудности преодолимы. Периодически давались советы врачей, касающиеся профилактики болезней, ухода за ранеными, организации быта в полевых условиях. Радионовостей на бытовые темы было меньше, но и там звучала аналогичная позиция. Если журналист затрагивал тему потерь или неудач, он должен был найти способ перевести разговор в позитивное русло, подчеркнув, что несмотря на все испытания, страна неизбежно победит

благодаря силе духа и сплоченности [6]. Таким образом, дискурс советской журналистики постоянно балансировал между правдивостью и пропагандистским приукрашиванием картины.

Особую линию в военном дискурсе составляла тема союзников – Великобритании и США, вступивших в антигитлеровскую коалицию. Поначалу в советской печати о них упоминалось мало, поскольку доверие к западным странам было ограниченным, а внутренняя риторика предполагала, что лишь советский народ несет основное бремя борьбы. Однако с развитием ленд-лиза и открытием второго фронта публикации о взаимодействии с союзниками стали приобретать положительную коннотацию. Журналисты описывали совместные действия на фронтах, поставки вооружения и продовольствия союзниками, указывали на взаимовыгодные аспекты. Тем не менее официальные тексты тщательно следили за тем, чтобы не допускать чрезмерного восхваления Запада, ведь идеологическая линия подчеркивала превосходство советской системы. Союзники, при всей своей помощи, все же преподносились в прессе как партнёры, а ключевым гарантом победы оставался Советский Союз. При этом советские журналисты частично заимствовали материалы зарубежной прессы, чтобы показать читателям, как мировая общественность восхищается героизмом наших воинов. Такая стратегия помогала укреплять убежденность, что борьба ведется в масштабах всей планеты за будущее человечества, но ядро этой борьбы по-прежнему остается в руках Красной армии.

К концу войны, когда успех Красной армии стал явным, журналистика приобрела все более торжественные интонации. Репортажи и статьи излучали уверенность в скором полном разгроме врага, а материалы о послевоенном будущем были наполнены воодушевляющими картинами восстановленного народного хозяйства. Особую популярность обрели заметки о возвращении мирных жителей в освобожденные города и села, о первой тракторной технике, снова вышедшей в поля, о возобновлении работы школ и вузов. Печатные органы старались создавать ощущение, что победа уже буквально следующая стадия, и надлежит готовиться к восстановительным работам и дальнейшему развитию страны. В таких сообщениях использовались эпитеты типа «возрожденная земля», «расцветающая держава», «мирный труд» и прочие, указывающие на переход к новой эпохе. Тем не менее продолжала по-прежнему действовать строгая цензура, которая не позволяла публиковать материалы,

хоть как-то указывающие на огромные потери и разрушения, нанесенные войной [4]. Вместо этого акцент смешался в сторону оптимизма и перспектив, чтобы люди не поддавались унынию, а готовились к общему подъему национальной экономики и культуры.

Значительную роль в военных публикациях играла женская тема. С образами матерей, жен и сестер корреспонденты обращались к чувствам читателей, чтобы символически подчеркнуть необходимость защитить семью, дом, детство от волны вражеской агрессии. Позже стали появляться материалы о женщинах-солдатах, вносявших реальный боевой вклад: снайперы, летчицы, разведчицы. Женские образы позволяли раздвигать рамки традиционного дискурса о войне, демонстрируя, что весь народ встал на защиту Родины. Искренние истории о женщинах, которые теряли близких, но продолжали самоотверженный труд, должны были вызывать у читателя глубокое сопереживание и понимание того, что каждая жертва не напрасна. Печатались письма от солдат к невестам и женам, рассказы о фронтовых подругах, помогавших друг другу в тяжелых условиях. Такое переплетение личной, эмоциональной и общественной, боевой сфер укрепляло общую пропагандистскую концепцию, утверждая, что Великая Отечественная война – всенародная, затронувшая каждую семью, и потому нет ни одного человека, который не был бы на передовой или в тылу. Пресса сознательно объединяла все эти элементы, опираясь на вечные ценности любви и долга.

Немаловажным моментом было создание языковых клише, которые по сей день читаются как характерные выражения военной поры. Формулировки вроде «бить врага до окончательной победы», «не щадить сил и самой жизни», «бдительность на каждом шагу» стали привычными штампами, формирующими воинственный стиль публичной риторики. Утверждая такую лексику, советские журналисты преследовали цель постоянно актуализировать состояние военного времени в сознании людей, чтобы не допустить успокоения. Одновременно они использовали эмоционально окрашенные определения противника – «фашистские изверги», «кровавые псы Гитлера», «звери в человеческом облике», чем подчеркивалась полная непримиримость борющихся сторон. Эти шаблоны постоянно дополнялись и видоизменялись по мере того, как военная ситуация менялась на фронтах, но в эксклюзивном виде сохраняли общие установки на сплоченность и непреклонность [10]. Подобные языковые

конструкторы фактически обеспечивали создание особого «военного словаря», без которого трудно представить советский дискурс Великой Отечественной войны.

На протяжении всего конфликта государственная машина пропаганды подчеркивала, что каждый человек – солдат, рабочий, крестьянин, ученый – выполняет одну общую историческую миссию. Ощущение глобальной задачи, связанной с защитой своей земли от смертельной угрозы, пропитывало тексты и радиовыступления, формировало особую атмосферу военного времени. При этом журналисты активно включали в нарратив параллели с прошлым, вспоминая о победах русского народа в былых войнах — над Наполеоном или во время Первой мировой, всячески подчеркивая связь поколений. Это позволяло внушать мысль, что советский народ не впервые сталкивается с сильным врагом, а исторический опыт говорит о том, что в конце концов победа будет завоевана. Подобная апелляция к истории придавала дополнительную глубину пропагандистским сюжетам, добавляла эмоциональной стойкости, помогая преодолевать чувство ужаса перед масштабами военного катализма. Однако фактическая ситуация, где жизнь и быт людей менялись буквально каждый день, могла по-разному сказываться на настроении общества, и потому журналистика всячески стремилась не допускать распространения тревожных слухов. С помощью рубрик «Вопрос-ответ» или агитационных брошюр, газеты убеждали: все трудности временные, а неудачи – палка о двух концах, навсегда исчезающая под ударом Красной армии.

В результате ко второй половине войны советская журналистика выступала как комплексная пропагандистская система, охватывающая все сферы жизни общества. Печатные издания, радио, киножурналы, плакаты и листовки сливались в единый информационный поток, формируя у населения четкие ценностные ориентиры. Журналистика постоянно обращалась к чувству гордости за Родину, призывая вкладываться в общий труд и не терять оптимизма. Успешные военные операции прославлялись так же, как и трудовые подвиги в тылу, а провалы, если они упоминались, сопровождались анализом причин и призывом исправить ситуацию немедленно. При этом формирование культа личности и вождей носило весьма заметный характер: портреты и речи руководителей страны занимали немалую часть газетных полос и радиоэфиров, создавая эффект прямого руководства боевыми действиями и всем

процессом жизни страны. Те, кто заявлял сомнение в официальной версии событий, нередко оказывались обвиненными в дезинформации или подрыве морального духа. Таким образом, дискурс советской журналистики включал в себя жесткое иерархическое распределение ролей, ограничивающее любую альтернативную точку зрения.

Выводы

Таким образом, дискурс советской журналистики в период Великой Отечественной войны можно рассматривать как целостную систему, сочетающую пропаганду, информационное освещение событий и эмоциональную мобилизацию масс. Ее основной целью было обеспечить поддержку режима, мотивацию для солдат и тружеников тыла, а также укрепить уверенность в неизбежном торжестве советской системы. В то же время он отразил и реальную

судьбу миллионов людей, их страдания и утраты, хотя с сильными элементами цензуры и искажения действительности. Для историков этот массив публицистики и журналистики представляет собой бесценный источник, позволяющий реконструировать не только фактические детали, но и ментальные конструкции, в которых жил советский народ во время самого жестокого конфликта в нашей истории. Подобно тому, как военные действия требовали огромных жертв, медиапространство требовало полной мобилизации творческой и информационной сферы, добавляя к оружию идеологическую составляющую – и она в итоге доказала свою силу. Благодаря ей вера в победу не угасла даже в самые тяжелые периоды войны, а это само по себе говорит о гигантском влиянии слова и образа в жизни общества.

Список источников

1. Ashrapova S.T. Periodicals of Tajikistan during the Great Patriotic War // Bulletin of the Tajik National University. 2024. No. 10. P. 44 – 49.
2. Bityutskaya V.V. Soviet journalism of the 1960-1980s and Russian journalism of the 1990s: historical myths and real practice of correspondents // Issues of the theory and practice of journalism. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 248 – 262.
3. Vasilyeva L.A., Afonin A.A. Media: the special energy of military journalism // Issues of political science. 2022. Vol. 12. No. 7 (83). P. 2228 – 2241.
4. Gasyuk A. "The Red Star" Came in English // Rodina. 2024. No. 1. P. 108 – 109.
5. Kiyanskaya O.I. ""Zvezdochka" and "Zvezda" Set Forever": P.P. Svinin on the Situation in Russian Journalism in Late 1825 – Early 1826 // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2023. No. 10. P. 12 – 20.
6. Kostina A.S. Magazine-newspaper "Grazhdanin": between the Russian Empire and the West // New Russian Humanitarian Studies. 2023. Vol. 18. P. 22.
7. Kokhanova L.A. Journalism in the Context of Information Wars. Advanced Training Program // Journalist. Social Communications. 2022. No. 1 (45). P. 128 – 140.
8. Minaeva O.D. "Executor of a Soldier's Soul": Journalists and Writers at War (1941-1945) // Culture in Focus of Scientific Paradigms. 2023. No. 17. P. 330 – 335.
9. Minaeva O.D., Tikhonova O.V. ROSTA: Substantive Aspects of Radio Messengers (1918) // Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2024. Vol. 49, No. 1. P. 93 – 110.
10. Mokshina I.S., Nechaeva T.Yu. 1812 in Russian Journalism // Teaching History at School. 2024. No. 3. P. 15 – 21.

References

1. Ashrapova S.T. Periodicals of Tajikistan during the Great Patriotic War. Bulletin of the Tajik National University. 2024. No. 10. P. 44 – 49.
2. Bityutskaya V.V. Soviet journalism of the 1960-1980s and Russian journalism of the 1990s: historical myths and real practice of correspondents. Issues of the theory and practice of journalism. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 248 – 262.
3. Vasilyeva L.A., Afonin A.A. Media: the special energy of military journalism. Issues of political science. 2022. Vol. 12. No. 7 (83). P. 2228 – 2241.
4. Gasyuk A. "The Red Star" Came in English. Rodina. 2024. No. 1. P. 108 – 109.
5. Kiyanskaya O.I. ""Zvezdochka" and "Zvezda" Set Forever": P.P. Svinin on the Situation in Russian Journalism in Late 1825 – Early 1826. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2023. No. 10. P. 12 – 20.

6. Kostina A.S. Magazine-newspaper "Grazhdanin": between the Russian Empire and the West. New Russian Humanitarian Studies. 2023. Vol. 18. P. 22.
7. Kokhanova L.A. Journalism in the Context of Information Wars. Advanced Training Program. Journalist. Social Communications. 2022. No. 1 (45). P. 128 – 140.
8. Minaeva O.D. "Executor of a Soldier's Soul": Journalists and Writers at War (1941-1945). Culture in Focus of Scientific Paradigms. 2023. No. 17. P. 330 – 335.
9. Minaeva O.D., Tikhonova O.V. ROSTA: Substantive Aspects of Radio Messengers (1918). Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2024. Vol. 49, No. 1. P. 93 – 110.
10. Mokshina I.S., Nechaeva T.Yu. 1812 in Russian Journalism. Teaching History at School. 2024. No. 3. P. 15 – 21.

Информация об авторе

Кургузов Д.А., аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, kurguzov@rudn.ru

© Кургузов Д.А., 2025